

Ниспровержение субъекта у Лакана

Э. Плат

*Department of Philosophy, California State University, Chico
Chico, California 95929-0730*

Введение

Лакан часто настаивает на том, что его употребление понятия «субъект» резко расходится с традиционным пониманием «субъекта». Действительно, он скорее известен в связи с заявлениями о «разрушении/ ниспровержении субъекта»¹. Но Лакан не только разрушает субъекта. Как сказал Ален Бадью, Лакан входил в число тех немногих своих современников, кто пошёл дальше призывов к ниспровержению (классического) субъекта: Лакан также переосмыслил его². Две наиболее влиятельные работы о Лакане — «Лакан: Абсолютный Господин» Борч-Джейкобсена и «Заголовок письма» Лаку-Лабарта и Нанси — доказывают: переосмысление Лаканом понятия субъекта исказило его подрывную рефлексию таким образом, что под тонкой вуалью лакановский субъект является всё-таки традиционным. В частности, они утверждают, что лакановский субъект, несмотря на свой новый облик, всё ещё является тем субъектом, который воспроизводит, создаёт значения и, более того, стремится воспроизводить самого себя. Чтобы представить эту проблему и связанные с ней понятия в теории субъекта у Лакана, я сосредоточусь на том тезисе, который разделяется Борч-Джейкобсеном, Лаку-Лабартом и Нанси, — тезисе о том, что субъект Лакана — это язык *в действии*. Согласно ошибочному прочтению Лакана, субъект идентичен языку, понимаемому как процесс создания значений и репрезентаций.

В своём описании Лакановского проекта Борч-Джейкобсен высвечивает одну присущую ему странность: Лакан пытается ввести субъекта в структуралистскую теорию языка. Структуралистский подход к чему бы то ни было исключает понятие субъективности из спектра рассматриваемых проблем. Борч-Джейкобсен убеждён, что главная проблема, связанная с предполагаемым подрывом субъекта Лаканом, проистекает из этого вынужденного добавления или введения заново структуралистского понимания языка:

Гипотеза здесь заключается... в том, что соответствие введения субъекта и сверхдетерминации его языком в лингвистической модели обеспечивается философской проблематикой субъекта репрезентации — проблематикой, являющейся картезианской по своей сути, ультрасовременную, вдохновленную комментариями Кожева к Гегелю версию которой представляет Лакан³.

© Э. Плат, 2006.

© Л. Кудря, перевод, 2009.

Pluth E. Lacan's Subversion of the Subject // *Continental Philosophy Review*. 2006. Vol. 39. № 3. P. 293–312. Редакция выражает благодарность д-ру Э. Плату и издательству «Springer» за любезное разрешение на перевод и публикацию текста.

¹ Lacan J. *Écrits: A Selection*. Trans. B. Fink. N.Y.: Norton, 2002. P. 281–312.

² Badiou A. *Manifeste pour la philosophie*. P.: Seuil, 1989. P. 24–25.

³ Borch-Jacobsen M. *Lacan: The Absolute Master*. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 187.

Согласно Борч-Джейкобсену, вводя субъект в структуралистскую теорию языка, Лакан таким образом одновременно помещает в проблематику репрезентации и субъект, и язык. Борч-Джейкобсен следующим образом поясняет, что именно он подразумевает под «субъектом репрезентации»: он связан со «способностью субъекта осознанно *выразить* себя в языке, заявлять о себе во внешнем мире при посредстве чего-то иного, словом, ... осуществлять саморепрезентацию»¹. Борч-Джейкобсен действительно утверждает, что Лакан обеспечивает именно «ультрасовременную» версию именно этого субъекта репрезентации. То есть, субъект Лакана не является простым повторением картезианского субъекта, но, тем не менее, остаётся «картезианским по своей сути», и это накладывает определённые ограничения на требование его ниспровержения.

Называя Лакановский субъект «ультрасовременной» версией картезианского cogito, Борч-Джейкобсен признаёт тем самым, что Лакан изменяет субъект в его традиционном понимании. В пользу этого Борч-Джейкобсен говорит: «Лакановское cogito с самого начала является лингвистическим, социальным и интерсубъективным cogito, плюральным уже на первой стадии идентификации»². Язык, социальность и интерсубъективность — такие атрибуты, которые действительно сложно приписать картезианскому cogito. Борч-Джейкобсен хочет сказать, что, определив эти атрибуты как существенные для cogito, Лакан придал ему большее значение и включил его в спектр современных философских интересов, оставив, однако, без внимания основную «проблематику» cogito. Но эти попытки осовременить понимание субъекта не изменили ничего в отношении его «структуры cogito, понимаемой как структура субъекта репрезентации. Для гегельянца, каким был молодой Лакан, субъект речи продолжает выговаривать *себя* другому, с которым он говорит»³. Итак, лакановский субъект, который выговаривает себя и представляет себя в языке, является именно тем, кто приводит в действие лишённую иного смысла машину означающих, заставляет говорить язык лингвистов, или, если угодно, является той «чудесной силой» — негативной — которая заставляет язык выполнять означивание и «производить» значения. И снова эти значения, отныне и навсегда, — сам «изначальный субъект» (subject=0), выговаривающий себя во всём⁴.

Согласно Борч-Джейкобсену, взгляд Лакана заключается именно в том, что только одна пустая система означающих и способна производить значения с помощью работы субъекта. Возможно, Лакан действительно изменил картезианское cogito и придал ему большее значение, сделав его «более социальным, лингвистическим и интерсубъективным», и тем не менее, поскольку субъект всё ещё видится им как некоторая сила, создающая значения в языке и наполняющая содержанием пустые означающие, в теории Лакана всё ещё действует репрезентативная модель субъективности.

Но это идёт вразрез с собственными представлениями Лакана о его концепции субъекта: строго говоря, не субъекты, а означающие производят значения. Субъект, производящий значения, обычно мыслится как субъект, каким-либо образом внешний по отношению к языку: как субъект, обладающий интенциями, желаниями и значениями, который должен использовать для их выражения означающие. Но, утверждая, что субъект Лакана остаётся классическим, Борч-Джейкобсен вовсе не подразумевает, что

¹ Ibid. P. 188.

² Ibid. P. 189.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 195.

этот субъект является так, а не иначе внешним по отношению к языку. Лакановский субъект, согласно Борч-Джейкобсену, полностью поглощён языком. Итак, каким образом следует мыслить субъект репрезентации, который не является внешним по отношению к этому посреднику, в котором он представлен? Решение Борч-Джейкобсена — утверждать, что для Лакана субъект и язык в действительности одно и то же. Согласно ему, в результате введения Лаканом субъекта в структуралистскую теорию языка последнему переданы все полномочия первого: именно полнейшее растворение субъекта в «речи Другого», представляющей его, заставляет невнимательных читателей считать, будто Лакан раз и навсегда покончил с субъектом *cogito*. Но это попросту неверно, что вполне ясно сознавал и сам Лакан. Сказать, что субъект — это язык, означает также сказать, что язык — это сам субъект или, если угодно, что они — одно и то же¹.

Тезис, что для Лакана «субъект — это язык», ошибочен, и всё же я хотел бы указать, по каким причинам это прочтение представляется элегантным решением исходной теоретической проблемы. Если «субъект — это язык» и если оба они — одно и то же, тогда нельзя сказать, будто субъект является внешним по отношению к языку (следовательно, субъект остаётся глубоко лингвистическим) и всё же может быть тем нечто, что выражает и представляет себя, оставаясь деятельным вне производства значений языком. Однако в таком случае он действовал бы неосознанно.

Действительно, если субъект и язык тождественны друг другу, любое использование языка может расцениваться как самовыражение и саморепрезентация, и, как продолжает доказывать Борч-Джейкобсен, «в действительности, у Лакана язык говорит субъектом <...> следовательно, языку остаётся раз за разом произносить самого себя»². Однако точка зрения Борч-Джейкобсена ошибочна, у него не встречается ни одного отрывка в защиту его тезиса о том, что субъект — это то же самое, что язык, как не встречается у самого Лакана, и как мы можем видеть, даже совсем наоборот. Я уверен, что к такому утверждению Борч-Джейкобсена привело его желание отдать должное той идее, что в теории Лакана субъект не является внешним по отношению к языку. Постоянной темой в обсуждении субъекта у Лакана проходит та точка зрения, согласно которой субъект является эффектом означающих; таким образом, Борч-Джейкобсен вполне справедливо спрашивает, представляет ли субъект собой нечто иное, чем язык. Однако, он никоим образом не рассматривает вопрос о том, что понимание субъекта как эффекта ещё вовсе не означает того, что субъект каким-либо образом скорее присущ языку, чем является внешним ему. Субъект Лакана действительно является эффектом языка, но эффектом, остающимся внешним языку и не сводимым к нему. Это происходит потому, что субъект является не просто эффектом означающих, но эффектом означающих, в свою очередь взаимодействующих с чем-то нелингвистическим — сексуальностью.

Лаку-Лабарт и Нанси в своей широко известной и влиятельной работе «Заголовок письма» приходят примерно к такой же интерпретации лакановского субъекта, что и Борч-Джейкобсен. Они признают, что лакановский субъект не является «господином значений», но всё же они считают, что «локусом лакановского означающего, тем не менее, является субъект»³. Если означающие находятся в субъекте, тогда они своим

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Lacoue-Labarthe Ph., Nancy J.-L. *The Title of the Letter*. Trans. F. Raffoul and D. Pettigrew. Albany: SUNY Press, 1992. P. 65.

значением всё ещё каким-либо образом зависят от субъекта. Поскольку в этом ключе и осуществляет Борч-Джейкобсен свою критику Лакана, именно отношение между субъектом и языком определяют то, что Лаку-Лабарт и Нанси называют «классическим» понятием субъекта в работе Лакана, а именно — субъекта, производящего значения¹.

Там, где Лаку-Лабарт и Нанси говорят «классический», Борч-Джейкобсен говорит «субъект репрезентации», но смысл остаётся тем же. Лаку-Лабарт и Нанси утверждают, что, если означающие находятся «внутри» субъекта, тогда субъект — это нечто, что создаёт значения. Борч-Джейкобсен доказывает, что, если субъект тождествен языку, то субъект не только создаёт значения, но также в каждом акте речи выражает себя. В обоих случаях язык изображается как посредник, представляющий и выражающий (в той или иной мере) то, что хочет представить и выразить субъект. Также обе интерпретации понимают субъект как нечто приводящее язык в действие. В действительности лакановский субъект в своих глубинах переплетён с работой языка, но, согласно этим двум интерпретациям, субъект всё ещё является господином языка, даже если он уже не «господин значений»: он по-прежнему приводит язык в действие, пускай и не обладая полным контролем над тем, что производит язык. Вот вывод о лакановском субъекте, представленный Лаку-Лабартом и Нанси: субъект определяется как «то, что представляют означающие». Это следует понимать следующим образом: если субъект связывается с возможностью речи и если эта речь актуализируется в цепи означиваний, тогда отношение одного означающего к другому или то, что одно означающее, как говорит Лакан, «представляет» для другого означающего — а именно, для *самой структуры этой цепи, — и должно быть названо «субъектом»*². Таким образом, субъект отождествляется со структурой цепи означивания, грубо говоря — с языком.

Критика критик

В чём Борч-Джейкобсен, Лаку-Лабарт и Нанси, казалось бы, согласны друг с другом, так это в том, что отношения между субъектом и языком выстраиваются Лаканом тем своеобразным способом, который делает, несмотря на всю новизну введения в *сogito* «социального, лингвистического и интерсубъективного» аспектов, его теорию субъекта традиционной. В их пользу говорит определение, которое Лакан часто давал «означающему», устанавливающее между субъектом и языком очевидно репрезентативные отношения. Что такое означающее? По Лакану, как он часто повторяет в своей работе, «означающее — это то, что представляет субъект для другого означающего»³. Это определение устанавливает отношения между субъектом и языком с точки зрения репрезентации, и Лакан часто ясно заявляет о том, что означающие представляют субъект. Это определение играет очевидно важную роль в интерпретации лакановской теории субъекта Борч-Джейкобсеном, использующим его, чтобы показать, что Лакан, несмотря на утверждение о том, что «субъект подчинён означающим», также считает, что «означающее не представляет ничего, кроме субъекта, посредством которого функция репрезентации, везде так строго отвергаемая Лаканом, вновь вводит означающее»⁴). Лаку-Лабарт и Нанси также используют это определение в критике Лакана: в самом

¹ Ibid. P. 63.

² Ibid. P. 69.

³ Lacan J. *Écrits*. P. 304.

⁴ Borch-Jacobsen M. Lacan: The Absolute Master. P. 186.

деле, в отрывке, цитируемом мной выше, они ссылаются на это определение, излагая свой тезис о том, что субъект тождествен языку¹.

Я намерен высказаться по поводу тезиса Лакана о том, что субъект — это субъект репрезентации и самовыражения, по двум пунктам. Я намерен, во-первых, рассмотреть подробнее определение Лакана, которое он даёт означающему, и, во-вторых, уделить внимание тем отрывкам, где Лакан рассуждает об отношениях между субъектом и языком.

Поскольку дефиниция означающего определяет отношения между субъектом и означающим с точки зрения репрезентации, не совсем ясно, каким образом в этом определении субъект получает статус субъекта репрезентации, потому что она совершенно не подразумевает, что субъект — это нечто использующее означающие для репрезентации и выражения себя. В ней всего лишь говорится, что субъект — это нечто представляемое посредством означающего. В связи с этим субъект не может различаться с чем бы то ни было представленным либо высказанным в языке. Верно, что эта дефиниция наделяет субъект в его отношении к означающим особым статусом. Согласно определению, именно субъект является тем, что одно означающее представляет другому, и ни одно из них не может быть связано с любым другим, не представляя субъект. Но, тем не менее, в определении не говорится, что существует субъект, который стремится представить себя, или субъект, который завершил саморепрезентацию посредством означающих. Определение поддерживает ту точку зрения, что субъект является продуктом взаимодействия означающих, так же, как оно поддерживает ту позицию, что субъект вовлечён в саморепрезентацию.

Дальнейшее подтверждение этому требует материала, который обнаруживается в других рассуждениях Лакана о субъекте. Существует пара выдержек из его текстов, из которых становится совершенно ясно, что Лакан никогда не хотел ставить знак равенства между субъектом и языком. В первой Лакан характеризует субъект как нечто «стоящее одной ногой в поле Другого, второй ногой — вне его»². Если Другой — это так или иначе поле языка, достаточно сложно понять, каким образом субъект мог бы быть тождественным языку, поскольку он лишь одной ногой находится в поле языка Другого³. Субъект лишь от части находится «внутри» Другого, но также от части вне его: иными словами, между субъектом и языком имеется существенная связь (relation), но в то же время он является каким-либо образом внешним языку.

В другом отрывке Лакан пишет, что «субъект, репрезентируемый означающим, не является однородным (univocal). Вне всяких сомнений, субъект репрезентируется означающим, но также не репрезентируется им <...> остаётся нечто скрытое в отношении к этому самому означающему»⁴. Здесь Лакан разрабатывает определение означающего, показывая, что само это определение, которое считается теперь единственным определением «означающего», не даёт адекватного описания субъекта. Итак, справедливо не только то, что субъект представлен означающим, но и то, что часть его

¹ Lacoue-Labarthe Ph., Nancy J.-L. The Title of the Letter. P. 69.

² Lacan J. Le Séminaire, livre XVI: D'un Autre à l'autre: 1968–1969. Texte établi par Jacques-Alain Miller. Paris: Seuil, 2006. P. 301.

³ Лакан в своей статье «Ниспровержение субъекта» описывает Другого как «источник (battery) означивания», но это далеко не всё, что следует понимать в отношении Другого (18, 293).

⁴ Lacan J. Le Séminaire, livre XVII: L'envers de la psychanalyse: 1969–1970. Texte établi par Jacques-Alain Miller. Paris: Seuil, 1991. P. 101.

им не представлена. Мы вновь вернулись к тому положению, что субъект не тождествен языку.

Последний отрывок, который я намерен рассмотреть здесь, представляется одним из самых ясных, обнаруженных мной в ходе анализа отношений языка и субъекта в работах Лакана. Здесь Лакан довольно отчётливо отвергает ту точку зрения, что субъект тождествен языку, внося в свою концепцию субъекта элемент, значение которого для лакановской теории следует ещё должным образом оценить. Так, однажды Лакан, поддавшись чувству, спрашивает:

Что же такое, в конце концов, субъект? <...> радикальная, реальная индивидуальность? <...> организм <...> втянутый в действие речи, в фактичности которого одно живое существо среди других, будучи захваченным механизмами означающего, призвано стать тем, что господин Хайдеггер назвал «пастырем бытия»? Или, с другой точки зрения, может ли он быть отождествлён с самой игрой означающих? Является ли субъект всего лишь субъектом речи, с разорванной витальностью, на дистанцию с которой он обречён, равно как и на жизнь в иллюзии <...> Убедительно ли, что всё прожитое им или ею уже не только сказано, но и проживается посредством речи и уже вписано в какой-либо эпос, каждым её или его действием связано с какой-либо сагой? В этом году наши усилия, если это имеет значение, направлены на то, как в точности функция субъекта, играющего между этими двумя инстанциями, проявляется где-либо ещё, кроме этих двух полярностей. <...> Достаточно ли просто обозначить, что функция субъекта осуществляется внутри отношения между этими двумя инстанциями, между идеальными эффектами функции означивания и этой витальностью, которую, я полагаю, вы опять перепутаете, несмотря на мои предостережения, с функцией влечения? Именно этим мы будем заниматься, именно это мы попытаемся проанализировать»¹.

Идея, что субъект тождествен игре означающих, или языку, здесь очевидным образом отвергается. И даже наоборот, субъект изображается как нечто расположенное меж двух полюсов, одним из которых является язык, а второй остаётся несколько неясным. Лакан предостерегает нас от возможной путаницы последнего с влечением. Но что это? Витальность, чем бы она ни была? радикальная, реальная индивидуальность?

Субъект между языком и Реальным

Я хотел бы вкратце обсудить, что именно Лакан подразумевает под второй полярностью, поскольку это важно для моей аргументации, что теория субъекта у Лакана не сводима к языку и в некотором смысле находится вне языка. Оказывается, что субъекта производит не только взаимодействие означающих, но также взаимодействие означающих с чем-то нелингвистическим. Несмотря на то, что субъект не тождествен ни одной из полярностей по отдельности, здесь Лакан использует обе полярности для обозначения чего-либо вовлечённого в производство субъекта, и одного языка здесь недостаточно.

Итак, лакановская теория субъекта может быть рассмотрена с точки зрения двух тезисов, сформулированных на основании того, что подразумевается под этими двумя полярностями. Первый тезис появляется в работах Лакана относительно рано: субъект является продуктом либо эффектом означающих. Этот тезис может быть назван «лин-

¹ Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan, Book I: Freud's Papers on Technique: 1953–1954. Trans. John Forrester. New York: Norton, 1988. P. 12.

гвистическим» или «структуралистским», наиболее ясно он формулируется в девятом курсе семинаров: «субъект — это следствие того факта, что существует означающее»¹. Однако, согласно второму тезису о субъекте, производство субъекта означающими следует дополнить анализом определённых препятствий для означивания. Поскольку в ходе девятого курса семинаров, характеризуя эту другую, очевидно нелингвистическую, инстанцию субъекта, Лакан использует термины «витальность», «радикальная, реальная индивидуальность» и «организм», не было бы ошибкой понимать её с точки зрения сексуальности, что я доказываю в следующем параграфе.

Но вернёмся к вопросу, обсуждаемому в этом отрывке. Случалось, Лакан пытался более ясно изложить свою теорию субъекта. Он говорит, что субъект — это не язык, и он не тождествен «игре означающих». Далее, он рассматривает, является ли субъект чем-то биологическим. И ответ снова отрицательный: субъект не является ни «организмом», ни «реальной индивидуальностью», ни «витальностью». Говорит ли Лакан, что субъект располагается между телом и языком? Затруднения, связанные здесь со способом изложения, проясняется позже в работах Лакана той мыслью, что в действительности тело не является подходящим кандидатом для осмысления этой второй полярности. На своём четырнадцатом семинаре Лакан доказывает, что Другой — это тело: «само тело — изначально место Другого, поскольку именно сюда изначально наносится знак как означающее»². В передаче Брюса Финка, согласно лакановской теории тела, оно всегда «уже перезаписано» и «объезжено» языком³. Итак, «тело» для Лакана — это всегда уже тело, прошедшее обработку языком. Тем не менее, остаётся один способ для мысли достичь второй полярности — рассмотреть идею о том, что в теле существует всё-таки нечто не совпадающее с «социализированным» телом, которое «перезаписано» означающими. Уже тем, что тело «перезаписано» означающими, предполагается существование чего-либо первичного по отношению к означающим, на котором появляется письмо, чего-либо осаждаемого означающими в какой-то момент своего существования. Это нечто можно мыслить как тело, первичное по отношению к телу, обтёсанному лингвистически и социально; таким образом, возможно, это досимволическое тело можно помыслить с точки зрения того, что Лакан называет Реальным. В своей книге «За гранью гендера» Пол Верхега рассматривает проблему тела у Лакана именно с этой точки зрения, утверждая, что, как только Лакан подчеркивал определяющее значение символического порядка, тело мыслилось как просто эффект, то есть означаемое тело, воображаемое тело. Действительно, мы имеем дело с телом как эффектом языка и дистанцией, созданной им же. Только тогда тело рассматривается Лаканом серьёзно, когда в игру включается другое тело, с которым означаемое тело совершенно не соотносимо. Если нашей отправной точкой является Реальное, то это никак не тело, которое оперативно, а организм, или органы⁴. Заменяя тело организмом, Верхега подразумевает приблизительно то же, что и я хотел сказать о той второй искомой полярности субъекта, которую упоминает Лакан. Но какой бы термин не был закреплён за этой инстанцией, категория, в которую включено мышление организма или тела, — Реальное, и ни в коем случае не Символическое.

¹ Lacan J. (1961–1962). L'Identification. (Seminar IX). Unpublished. 5/2/62.

² Ibid. 5/30/67.

³ Fink B. The Lacanian Subject. Princeton: Princeton University Press, 1995. P. 12.

⁴ Verhaeghe P. Beyond Gender: From Subject to Drive. New York: OtherPress, 2001. P. 79.

Но всегда ли Реальное означает досимволическое? Реальное — довольно спорный термин, и, подобно Финку и остальным, я бы хотел заметить, что в лакановской теории имеется две версии Реального. Первое Реальное — Реальное₁ — первично для напластований языка, оно «постепенно всё более символизируется в течение жизни ребёнка», наряду с ним существует другой «второ-порядок» Реального — Реальное₂, являющееся эффектом самого символического порядка¹. Реальное₁ звучит как типичное понятие реализма: реальность сопряжена с внешним миром, который язык стремится подвергнуть символизации. Однако Реальное₂ не находится вне символического, как, казалось бы, Реальное₁. Этот «второ-порядок» Реального «характеризуется тупиками и разного рода неспособностью», которые проявляются уже в самом символическом порядке². В своём, как я считаю, лучшем определении Реального в этом его понимании Лакан говорит: «Реальное можно описать единственным способом — только с точки зрения тупика его (Реального) формализации»³. Эта версия Реального вместо поля референтов, находящихся в определённом соответствии с языком, представляет его как камень преткновения для работы самого означивания.

Какая же из двух версий Реального подразумевается Лаканом в девятом курсе семинаров, когда он рассматривает вторую полярность субъекта? Это неясно. Если вторая полярность считается нелингвистической и первичной для символизации, следует ли мыслить её с точки зрения досимволического Реального₁? У Лакана нигде нет никаких указаний на то, что вторая полярность субъекта связана с сопротивлением означиванию (кроме, возможно, того факта, что сам Лакан испытывал определённые трудности, пытаясь подобрать для него подходящее название). Но он действительно серьёзно рассматривал возможность того факта, что субъект «обречён на дистанцию» по отношению к собственной витальности — не допускающему какого-либо описания предположительно доязыковому телу. Этим предполагается, что вторая полярность первична для означивания, в связи с чем она превращается в нечто подводимое под категорию Реальное₁. Но следует помнить, что Лакан высказал всего лишь возможность этого, когда рассматривал вопрос о том, может ли субъект отождествляться с языком. Если бы субъект был тождествен языку, то Лакан определённо считал бы, что субъект действительно обречён на дистанцию со своей витальностью. А эта витальность в таком случае радикальным образом выносилась бы из порядка языка и, следовательно из субъекта, превращаясь в нечто подобное Реальному₁. Но эта идея отвергается Лаканом, приобретая таким образом совершенно иной смысл.

Если субъект не тождествен языку, то он и не может пониматься как нечто «отстранённое» от своей не допускающей каких-либо определений витальности. Иными словами, если субъект не тождествен языку, то и его вторая полярность не может также пониматься как нечто полностью исключённое из порядка означивания, и из структуры самого субъекта. Наоборот, не тождественный языку субъект пребывал бы в сфере, выстроенной следами этой реальной полярности, которая всё ещё присутствует в языке без полного соответствия с ним. Эта полярность, мыслится ли она как тело, Реальное, сексуальность, организм или витальность, является одним из факторов субъекта, коль скоро взаимодействует с языком. Итак, мы уже понимаем, что субъектом в лакановской

¹ Fink B. The Lacanian Subject. P. 26–27.

² Ibid. P. 27.

³ Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan, Book XX: Encore: 1972–1973. Trans. Bruce Fink. N.Y.: Norton, 1998. P. 93.

теории не называется ни то, что происходит в языке, ни то, что происходит в биологическом индивиде, но называется им воздействие последнего на первый и первого на последний. Всё это очень точно передаётся выражением, что субъект находится между двумя полярностями¹.

Стадия «Che Vuoi?» в производстве субъекта

Далее могут последовать вопросы, связанные с отношениями между этими двумя полярностями субъекта. К примеру, вопрос о том, почему Реальное сопротивляется символизации? Ответ на него можно найти, если рассмотреть Реальное с точки зрения лакановской теории сексуальности, согласно которой сексуальность сама по себе является травматической². Однако можно подумать, что этот ответ всего лишь откладывает серьёзное рассмотрение вопроса, поскольку вполне ожидаем вопрос: а почему сексуальность сама по себе является травматической? Что касается этого вопроса, то, думаю, в работах Лакана можно найти множество различных ответов. Впоследствии я попытаюсь проследить линию рассуждения, по-моему, наиболее интересную и соответствующую целям данной работы, поскольку здесь также содержится объяснение того, каким образом и почему субъект располагается между полярностью языка и полярностью Реального, или более точно — сексуальности.

Во-первых, я хотел бы обратиться к сложностям, связанным с тем, что я рассуждал о работах Лакана так, будто у него существует только *одна* теория субъекта. Высказываясь по поводу работ Борч-Джейкобсена и Лаку-Лабарта и Нанси, я рассуждал так, будто их интерпретация Лакана неверна. Следует добавить, что она неверна не только потому, что она неверно трактует теорию Лакана, но и потому ещё, что они подают её так, будто у Лакана только одна концепция субъекта. Но дело не в этом. Поскольку существует такая проблема и моя интерпретация страдает от того же недостатка, я хотел бы исправить его.

На своих ранних семинарах Лакан не слишком подробно рассуждал о субъекте, употребляя этот термин скорее свободно и широко и иногда даже «классическим образом». Рассмотрим типичный пример из его второго курса семинаров: «я даю вам одну

¹ Этот вопрос подробно обсуждает Франсуа Раффюль в своём очерке «Лакан и событие субъекта», который также бросает вызов метафизической интерпретации лакановской теории субъекта. Раффюль считает, что лакановский субъект нельзя понимать как классический, субстанциалистский субъект: «наоборот, Лакан постоянно подчёркивает неравномерный, бессвязный и прерывистый (lacunary) характер субъекта бессознательного. <...> Субъект бессознательного относится к дисконтинуальному порядку» (Raffoul F. Lacan and the Event of the Subject // Cultural Semiosis: Tracing the Signifier. Ed. and Intro by H.J. Silverman. New York: Routledge. P. 98). Также он рассматривает, как субъект оказывается несводимым к языку и «вынесенным за поле означающих. Он выпадает из работы означивания, отвергает выражение и высказывание (literalization) и сопротивляется им» (Ibid. P. 79). То, что я пытаюсь здесь доказать, не так далеко от этого, хотя я пытаюсь представить субъект не столько через сопротивление означиванию, сколько через связь между сопротивлением ему и самим означиванием, как станет ясно в следующем параграфе этой работы. Подобные заявления звучат также в работе Брюса Финка «Лакановский субъект», начинающейся с описания субъекта как чего-либо не обладающего субстанциальной внутренней связностью, либо «субъекта, существующего лишь как разрыв дискурса» (Fink B. The Lacanian Subject. P. 41), хотя субъект всё ещё располагается между языком и чем-то наслаждением (jouissance): субъект «не столько прерывает дискурс, сколько утверждает его, в том смысле термина assumption, какой он имеет во французском языке, то есть в смысле принятия ответственности за того, кто прерывает, в том смысле, чтобы взять это на себя» (Ibid. P. 47).

² Lacan J. Yale University, Kanzer Seminar. Scilicet. 1975. № 6/7. P. 22.

из возможных дефиниций субъективности, определяя её как организованную систему символов, которая стремится покрыть всё целое опыта, анимировать его, дать ему значение»¹. Именно эта цитата льёт масло на огонь критики лакановской теории. Кажется, здесь субъект мыслится как работа означающих: это «система символов», которая наделяет опыт значением. Несмотря на то, что это довольно странный лингвистический субъект, но, тем не менее, он всё ещё позиционируется как феноменологический «дающий значения» субъект.

Совершенно иное положение о том, что субъект — это продукт означающих, обнаруживается недвусмысленным образом только к девятому курсу семинаров: «ничто больше не поддерживает традиционную философскую идею субъекта, за исключением существования означающего и его эффектов»². И ещё: «субъект является следствием того факта, что существует означающее»³. Этот взгляд можно трактовать как продолжение более раннего взгляда на субъект как на «систему символов», но здесь уже утрачивается феноменологическая идея о том, что субъект является чем-то дающим значение своему опыту. Кажется, язык здесь уже принимает на себя активную роль, причём субъект редуцируется к функции его проводника (*emission*).

Крайняя позиция Лакана по вопросу субъекта обнаруживается, когда меняется сама идея тождества языка со значением или эффектом означающих и когда субъект начинает изображаться как нечто находящееся между организованной системой символов и чем-то движущим или выталкивающим на первое место эту структуру — события сродни сексуальности, наслаждению (*jouissance*) и желанию Другого, каждое из которых может быть соотнесено с Реальным, с тёмной «второй полярностью», обозначенной выше (что не должно означать, что эти термины являются взаимозаменяемыми или эквивалентными). Лучшим образом окончательную позицию Лакана представляет определение субъекта в ходе четырнадцатого курса семинаров. Я называю эту позицию окончательной, поскольку после того, как было дано определение, по поводу субъекта Лакану оставалось уже не так много сказать. И субъект практически исчезает из его работ: можно утверждать, что то, что называлось субъектом, замещается чем-либо ещё — борромеевым узлом или, возможно, симптомом⁴. Им приводится такое определение: субъект «располагается на стыке тела и наслаждения или, точнее, в их разъёме»⁵. Из контекста становится ясно, что тело, о котором говорит здесь Лакан, — «символиче-

¹ Lacan J. *The Seminar of Jacques Lacan, Book II: The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis: 1954–1955*. Trans. S. Tomaselli. Notes by J. Forrester. N.Y.: Norton, 1991. P. 40–41.

² Lacan J. *L'Identification*. (Seminar IX). Unpublished. 11/15/61.

³ *Ibid.* 15/2/62.

⁴ Поль Верхеге и Фредерик Деклерк («Аналитический объект Лакана») исследуют судьбу понятия «субъект» у зрелого Лакана и даже утверждают, что «окончательной версии своей теории Лакан вводит другого субъекта, субъекта, который всё-таки обладает субстанциальностью. <...>. Этот «не-субъект» пытается взаимодействовать с Реальным инстанцией наслаждения, навязанной его собственным влечением, не попадая в прежнюю ловушку означивания (27, 69–70). Эта тема довольно внятно представлена в книге Люка Тёрстона «Неизбежные модальности: о борромеевом узле». Тёрстон утверждает, что после топологии борромеева узла невозможна прежняя оценка теории Лакана как предлагающей несубстанциалистское объяснение субъекта, единство (*coherence*) которого обеспечивается его положением говорящего существа (*parlêtre*). В самом себе он <...> осуществляет «подрыв субъекта», псевдоонтологической (или онтографической) субстанции, что, кажется, несоизмеримо с понятием субъекта как лингвистической инстанции или чистой негативности (25, 153)»

⁵ Lacan J. *La logique du fantasme*. (Seminar XIV). Unpublished. 6/7/67.

ское тело», тело, отёсанное означающими. Так что и в этом определении повторяется идея о двух полярностях.

Коль скоро данное определение описывает ситуацию субъекта с большей точностью: субъект располагается уже не между двумя полярностями, а на стыке или разъёме между ними, возникает вопрос, почему или как субъект оказался расположенным таким образом. Это возвращает меня к моей исходной цепочке рассуждения. Наиболее известный вклад Лакана в теорию субъекта — это его концепция стадии зеркала, но эта стадия сказывается главным образом на формировании Эго, нежели на формировании субъекта. Существует другая стадия или эпизод, свой взгляд на которую Лакан развивает на своих семинарах и которая важна для его концепции субъекта так же, как важно понятие стадии зеркала для концепции Эго. Я называю её стадией «чего ты хочешь» (*Che Vuoi?*)¹. На пятом семинаре, не раскрывая смысл «*Che Vuoi?*», Лакан выявляет, что в отношении между матерью и ребёнком открывает эту стадию: «именно мать появляется и исчезает. Это возможно, потому что я крохотное существо, уже включённое в Символическое, некто обученный символизации, поэтому можно сказать, что она появляется и исчезает. Иными словами, я её чувствую или нет, мир меняется, когда она приближается и может исчезнуть»². Мать появляется перед ребёнком и исчезает, иногда она отвечает, а иногда не отвечает на символически выраженные запросы ребёнка.

В этом месте пятого семинара Лакан в действительности пытается объяснить возникновение внутри этого отношения функции отца. Он утверждает, что первое появление функции отца происходит в дискурсе матери, а не вне неё. То есть, знаменитый «закон отца» впервые появляется в речи матери. И это появление означающего отца в речи матери вызывает смещение в выражении запросов, происходящем между матерью и ребёнком. Поскольку ребёнок столкнулся с этим означающим, у него возникает вопрос, который он никогда раньше не задавал; чтобы добавить этому эпизоду остроты или, возможно, иронии, детским голосом Лакан произносит:

что такое означаемое? — вот в чём вопрос. Чего она хочет? Этого? Я определённо хочу, чтобы она хотела только меня, но вполне ясно, что не только меня она хочет. Есть что-то ещё, что занимает её. И то, что её занимает, неизвестное *x*, означаемое. А означаемое её появлений и исчезновений из поля зрения ребёнка — это фаллос³.

¹ Фраза «*Che Vuoi?*», означающая по-итальянски «чего ты хочешь?» взята Лаканом из новеллы, написанной Кацотте в XIX в. Для справки по истории и её использовании Лаканом см.: «Почему женщины пишут больше писем, чем отправляют?» Дариана Лидера (*Leader D. Why Do Women Write More Letters Than They Post?* London: Faber and Faber, 1996. P. 102–103 и 107–113).

² Lacan J. *Le Séminaire, livre V: Les formations de l'inconscient: 1957-1958. Texte établi par Jacques-Alain Miller.* Paris: Seuil, 1998. P. 175.

³ *Ibid.* Термин «фаллос» употребляется здесь довольно неожиданно, я сожалею, что не могу должным образом обосновать его употребление. Сейчас я лишь укажу на то, что картина отношений матери и ребёнка из пятого семинара бросает вызов тем интерпретациям Лакана (особенно интерпретации Кристевой), где его критикуют за описание данных отношений в «досимволических» терминах, поскольку отец не является единственной фигурой, обеспечивающей ребёнку доступ к Символическому. Но дело не в этом. Я хочу указать, что, поскольку не может быть точного единственного означающего для желания матери, именно термин «фаллос» используется Лаканом для обозначения того, что ребёнок считает «объектом» или означаемым её желания — вот о чём идёт речь. Иными словами, здесь мы имеем дело с тайной половой дифференциации, идущей в паре с тайной означивания. Этот вопрос более подробно исследуется мной в другой работе.

Как описывает Лакан, когда ребёнок интересуется тем, чего именно хочет его Другой, само бытие ребёнка ставится на карту. Это происходит потому, что в отношениях между ребёнком и его Другим вещи были для него относительно простыми, хотя и фрустрирующими. Ребёнок совершал запрос, и Другой отвечал на него либо нет. Другой совершал запрос, и ребёнок принимал его либо сопротивлялся. Но, когда ребёнок начинает осознавать, что его Другой хочет чего-то вне их отношений и чего-то, кроме самого ребёнка — ребенка, являющегося для Другого, например, удовлетворяющим либо фрустрирующим объектом — он тут же оказывается под вопросом. Желание Другого не признаёт меня, как считал Гегель <...> Оно не признаёт меня и, наоборот, игнорирует (*misrecognize*). <...> Это ставит меня под вопрос»¹. Даже несмотря на то, что, как часто утверждал Лакан ранее, желание — это желание признания, в первой встрече с желанием Другого признание не происходит.

Реконструкция событий идентификации после встречи с желанием Другого и схоже, и одновременно отлично от того, что происходит на стадии зеркала, и именно благодаря этой реконструкции мы понимаем, чем формирование Эго отличается от производства субъекта. В стадии зеркала ребёнок встречается с более совершенным образом, чем он сам. Этот совершенный образ инициирует предполагаемую идентификацию с ним самим, идентификацию, описываемую Лаканом как отчуждающую, поскольку ребёнок этим образом не является. Стадия «*Che Vuoi?*», наоборот, начинается с отсутствия или утраты идентификации, с «неидентифицированности»: это — травматическое событие, которое я связываю с тем, что Лакан подразумевает под «второй полярностью» в производстве субъекта. и далее уже происходит конструирование и означаемого желания Другого, и ориентация на него — конструирование и ориентация, захваченные фундаментальным фантазмом².

Лакан часто намекает, что, как он считает, существует каузальная связь между встречей с желанием Другого и первым возникновением «сексуального желания» или то, что также может быть названо наслаждением (*jouissance*). Рассматривая случай маленького Ганса, Лакан утверждает: «именно сейчас, именно в этот самый момент производится утверждение (*positivization*) эротического наслаждения, в связи с которым производится утверждение (*positivization*) субъекта, поскольку он находится в зависимости от желания Другого»³. Но с чего всё началось? Когда Ганс открыл для себя приятные ощущения, возникающие в результате стимуляции собственных гениталий, он также обнаружил частный характер этого удовольствия: оно не может быть разделено с

¹ Lacan J. *Le Séminaire, livre X: L'angoisse: 1962–1963*. Texte établi par Jacques-Alain Miller. P.: Seuil, 2004. P. 179–180.

² Славой Жижек, кажется, также уделяет наибольшее внимание присутствию и функционированию стадии «*Che Vuoi?*» в работах Лакана. По поводу отношений между этой стадией и фундаментальным фантазмом Жижек пишет следующее: «Всегда следует иметь в виду, что желание, которое “реализуется” (представляется) в фантазии, является не собственным желанием субъекта, но желанием Другого. Фантазия, фантазматическая структура (*formation*) – вот ключ к тайне “*Che Vuoi?*”: “ты говоришь нечто, но чего ты действительно хочешь, говоря это?” Этим передаётся первичная, конститутивная позиция субъекта» (*Žižek S. The Seven Veils of Fantasy // Key Concepts of Lacanian Psychoanalysis*. Ed. D. Nobus. N.Y.: Other Press, 1999. P. 194). Иными словами, «конститутивная позиция» субъекта достигается в фантазии, которая представляется ключом к загадке желания Другого, и, я добавлю, предоставляет символическое место не только для субъекта, но и для наслаждения.

³ Lacan J. *Le Séminaire, livre XVI: D'un Autre à l'autre: 1968–1969*. Texte établi par Jacques-Alain Miller. P.: Seuil, 2006. P. 322.

другими либо достигнуто публично. Более того, его мать запретила ему делать это, сказав что-то вроде «это отвратительно»¹. Данные удовольствие и наслаждение были предложены Другому и отвергнуты им, следовательно, поскольку Ганс был заинтересован в том, чтобы их получать, он оказался вне сферы Другого. Таким образом, аутоэротизм Ганса угрожал привести к его собственному символическому исчезновению.

Таким образом, оказывается, что не только встреча с означающим отца в речи матери вызывает у Ганса опыт её желания, но и это запрещённое, лишённое места в Другом наслаждение самим собой. Говоря иначе, этот опыт наслаждения приводит ребёнка к вопросу о том, чем он является для Другого, поскольку в стадии «*Che Vuoi?*» именно желание Другого приводит к тому, что ребенок начинает интересоваться не только своим символическим местом в пространстве Другого, но и местом этих отдельных удовольствий. Так Ганс обнаруживает некоторую границу для того, что можно разделить с другими людьми: это не то, чего они хотят.

Когда начинается осмысление отношений между Реальным, сопротивляющимся символизации, и тупиком в ней либо недостатком её же, не нужно воспринимать этот вопрос наподобие неразрешимой проблемы «курица или яйцо». Что первично в ситуации с желанием Другого — встреча с наслаждением, с Реальным, которому внутренне присуще сопротивление символизации, тупик означивания на уровне означающего? В связи с утверждением Лакана о том, что сексуальность сама по себе является травматической, ответ кажется очевидным: первична встреча с сокрушительным травматическим наслаждением. Первые проявления чьей-либо сексуальности принуждают пересматривать свою позицию для Другого; однако они происходят всегда прежде, чем кто-либо приобретает способность их символической переработки. Итак, Реальному просто внутренне присуще сопротивляться символизации. Кажется, имеет смысл сказать, что, следовательно, в этих проявлениях сексуальности у кого-либо возникает вопрос о том, чего именно, принимая их во внимание, хочет Другой. Однако, следует также заметить, что до того, как обнаружится недостаток в цепи означивания либо встанет вопрос о том, чего хочет Другой, сексуальность может и не быть травматической. Хуже того, она может послужить почвой для нарушений психотического характера. По этому поводу Финк пишет, что в ситуации психоза «тело, которое было почти лишено наслаждений, внезапно захлёстывается и заполняется ими. Наслаждение с лихвой берёт своё, можно сказать, психотик вполне может переживать его как атаку, вторжение или силовое воздействие (*forcible entry*)»². Наслаждение — это тупик для системы (*fabric*) значений, но в неврозе всё-таки связь наслаждения с этой системой не утрачена. В психозе, как склонен рассматривать его Лакан, такая связь отсутствует, и между наслаждением и системой значения обнаруживается радикальное несоответствие (*radical gulf*). В неврозе также имеется пропасть между этими инстанциями, впрочем, как и проект навести между ними мост, присутствуют попытки воссоздать связь между ними. Я хотел бы указать, что в этой попытке реализуется то, что Лакан называет субъектом в качестве связки языка и этого чистого наслаждения, или этой сексуальностью «как таковой», либо разрыва между ними.

Итак, определение субъекта из четырнадцатого курса семинаров снова утверждает, что субъект не тождествен ни языку, ни наслаждению. Также оно говорит нам кое-

¹ Freud S. Analysis of a Phobia in a Five-Year-Old Boy // The Standard Edition, Volume X. London: The Hogarth Press, 1964. P. 19.

² Fink B. A Clinical Introduction to Lacanian Psychoanalysis: Theory and Technique. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 97.

что о структуре субъекта. В девятом семинаре Лакан считал вполне достаточным сказать, что субъект расположен между двумя полярностями — языком и Реальным. В этой дефиниции положение субъекта исследовано более подробно. Субъект находится в месте связи их между собой либо в месте их разрыва. Но почему этот странный эффект, находящийся между двумя полярностями, который соединяет их и в то же время сохраняет между ними пропасть, всё ещё следует называть «субъектом»? Некоторое время уже существует общее согласие философов по тому вопросу, что классическая теория субъекта, которую Борч-Джейкобсен характеризует как «репрезентационистскую», не является адекватной. Она наделяет субъекта чрезмерными полномочиями и не способна объяснить, как происходит конституирование субъекта и подчинение его миру, языку и культуре. В другой работе я доказываю, что Лакан перерабатывает понятие субъекта в своей теории, где устанавливает новую связь между субъектом и инстанцией свободы, однако, в отличие от Сартра, не давая слишком больших полномочий каждой из них. С точки зрения методологии, решение Лакана не имеет ничего общего с тем, что Деррида называет палеонимией — сохранением для стратегических целей старого, метафизического имени. Но применимо ли деконструктивистское понятие палеонимии к такому термину, как «субъект»? Ответ Деррида двусмыслен, в то время как ответ Лакана — нет.

Деррида о субъекте

Рассуждая о палеонимии в собрании интервью с ним, изданном под титулом «Позиции», Деррида говорит о ней как о «стратегической необходимости, требующей временно (occasional) поддерживать старое имя, для того чтобы сформировать новый концепт»¹. Далее он объясняет:

В объяснении того факта, что имя не отсылает к точности и простоте концепта, а, скорее, к системе предикатов, определяющих концепт, к концептуальной структуре, центрированной на какой-либо данный предикат, мы продвинулись: (1) до изъятия редуцированного предикативного свойства, которое держится в запасе, ограниченного данной концептуальной структурой (ограниченного для силовых побуждений или отношений, что необходимо проанализировать), обозначенной X; (2) до размежевания, переноса и направленного (regulated) расширения изъятых предикатов, имя сохраняется в качестве своего рода рычага воздействия, чтобы сохранить (to maintain) понимание прежней организации, что должно быть изменено в пользу более эффективного функционирования².

Палеонимия обеспечивается продолжающимся использованием старого, традиционного имени, но, подразумевая под именем нечто отличное от того, чем оно всегда было, поскольку один или более предикатов, связанных с этим именем, переосмысливаются и перерабатываются. Практику палеонимии не следует путать с другой операцией в стратегии деконструкции, которая состоит в демонстрации того, каким образом какой-либо термин, считавшийся несущественным или только дополнительным, в действительности является центральным для функционирования системы, и которая одновременно с этим подрывает рассматриваемую систему. Предполагается, что стратегия деконструкции заключается в том, чтобы взять отдельный (dispensable) слабый и достойный сожалений термин какой-либо из метафизических систем — письмо через го-

¹ Derrida J. Positions. Trans. Alan Bass. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 71.

² Ibid.

лос, различение через тождество и т.д. — и продемонстрировать скрытую необходимость этого термина для данной системы, чтобы выявить хроническую нестабильность этой системы и начать её подрыв. Хотя из приведённого выше отрывка вполне ясно, что палеонимия также содержит в себе данный аспект деконструкции, её отличает именно тот факт, что она в принципе предполагает использование сильного или доминирующего концепта из философской метафизической традиции с изменением его атрибутов с тем, чтобы однажды совсем отказаться от него. Указанный концепт всегда находился бы под угрозой применения к нему кавычек (*in scare of quotes*).

Лакановская теория субъекта занимается центральным философским и метафизическим концептом и пытается представить его иное понимание, не лелея надежд на выработку лучшего, более подходящего имени для него. С точки зрения Деррида, в результате Лакан постоянно рискует попросту повторить и всё то, что было в субъекте метафизического. Я рассматриваю здесь именно этот аспект критики лакановской теории, согласно чему лакановский подрыв субъекта является одновременно и сохранением (классического, репрезентационистского) субъекта. Деконструктивистская палеонимия не предполагает сохранение старого имени, она занимается именами, не являющимися строго необходимыми для системы, и делает это так, будто в них есть что-то, что всегда будет вызывать определённые подозрения. Итак, я считаю, следует задаться вопросом: действительно ли нужно ждать или вводить новое имя?

Деррида сомневается в том, что переработка понятия субъекта выполнима, и нужна ли она вообще. Рассмотрим следующий отрывок, где он обсуждает свою концепцию письма:

Конституируя и одновременно подрывая основы субъекта, письмо является чем-то отличным от него, в каком бы смысле он ни понимался. Письмо никогда нельзя мыслить внутри категории субъекта: как бы ни трансформировался субъект, как бы ему ни приписывали то сознание, то бессознательное, всё равно, как и на протяжении всей его истории, будут ссылаться на него как на субстанциальность присутствия, не нарушаемую (*unperturbed*) приводящими акциденциями, либо как на самозамкнутое тождество с самим собой¹.

На это указывает история субъекта. Не имеет значения, как меняется субъект, он всё равно останется тем, чем он всегда был «на протяжении всей своей истории». Это предполагает, что, как считает Деррида, переработка понятия «субъект» являлась бы если не невозможной, то в конце концов бесполезной и глупой. Нельзя переработать понятие субъекта, нельзя открыть его или вывести за пределы метафизической системы, частью которой он является, поскольку субъект всегда понимается как субстанция, самоприсутствие и т.д. История понятия насыщена примерами этого. Странно, но это значит, что содержание, которое имеет понятие «субъект», сформулировано раз и навсегда; что существует не подверженное изменениям значение субъекта, не зависящее от того, как сильно перерабатывается данное понятие. Не становится ли Деррида своеобразным эссенциалистом, когда начинает рассуждать о проблеме субъекта?

Деррида, кажется, а priori решает, что возможная в будущем трансформация субъекта либо его расширение обречены на провал, поскольку история понятия заметно

¹ Derrida J. *Of Grammatology*. Trans. Gayatri Chakravorty Spivak. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976. P. 68–69.

искажена. Если Деррида исключает саму возможность любого плодотворного расширения понятия «субъект», это можно трактовать только как исключение возможного открытия субъекта. Поразительно, что тот, кто учил всех нас принципиальной (essential) диссеминации значения, в то же время говорит о субъекте, всегда имея в виду пункты x, y и z. Какое бы значение ни фиксировалось за понятием «субъект», оно обеспечивается только практиками означивания, которые сами всегда открыты для воздействия и постоянно меняются, что, я считаю, следовало бы доказать Деррида.

В интервью с Жан-Люком Нанси под названием «Кто придёт после субъекта?» Деррида окончательно признаёт, что вероятно, возможна эффективная переработка понятия «субъект», но продолжает сомневаться в том, что следует сохранить имя «субъект». Далее в этом интервью следует вполне иллюстративное для его позиции высказывание: «Я бы временно сохранил имя «субъект» в качестве указателя на данную дискуссию, но я не вижу никакой необходимости во что бы то ни стало сохранять термин, особенно если контекст и конвенции дискурса способны в точности представить данный вопрос»¹. Временное сохранение имени «субъект» указывает на то, что такое использование имени может быть квалифицировано как палеонимическое, но всё же, кажется, именно сам термин угрожает возвращением к метафизическому аспекту субъекта.

Далее в этом отрывке мы видим, что Деррида считает странным настаивать на сохранении имени «субъект». Действительно, зачем нужно настаивать на сохранении устаревшего и подозрительного имени, когда можно ввести нечто более подходящее (better)? Я думаю, Деррида прав, задавая этот вопрос. Если Деррида говорит это без явного разногласия с теми философами, которые приравнивают отказ от понятия «субъект» к своего рода нигилизму или антигуманизму, я согласен с ним. Но разве только это может быть подозрительным в имени? Продолжая мыслить субъект и продолжая использовать это имя, Лакан принял иную стратегию, одновременно полагая, что надеяться на безупречное имя столь же странно, как настаивать на сохранении устаревшего.

Метод Лакана предполагает, что устаревшее имя не вполне бесполезно. Но, строго говоря, это всё равно приведёт к тому, что новое имя устареет. Итак, вместо того чтобы настаивать на сохранении устаревшего имени любой ценой, как и вместо того чтобы настаивать на том, что имя «субъект» не может быть чистым, и мы, следовательно, должны незамутнённым взором отыскивать новое, безупречное имя, следует обратить внимание на более оптимистичный и, возможно, более дерзкий путь Лакана. Однажды Лакан сказал, что уже не может сказать ни одного слова так, чтобы они означали именно то, что он подразумевает, поскольку он распространяется об всём этом достаточно долго. Однако на более общем уровне именно так в действительности и меняются значения слов — посредством продолжающихся практик означивания. Кроме того, это высказывание демонстрирует кое-что насчёт концепции свободы, которую можно обнаружить в теории Лакана. Свобода крайне тесно связана с чем-то подобным созданию и повторению новых означающих.

Перевод с английского Ларисы Кудри

¹ Derrida J. «Eating Well» or the Calculation of the Subject: An Interview with Jacques Derrida / Who Comes After the Subject? Ed. Ed. Cadava, P. Connor and J.-L. Nancy. Interview transl. by P. Connor and A. Ronell. N.Y.: Routledge, 1991. P. 99.